

Олег Бухарцев

Зима в Одессе

«Есть город, который я вижу...»

В Одессе зима, и в воздухе пикантно пахнет недостроенным социализмом.

В Одессе зима, и так хочется себе изменить, но не с кем.

В Одессе зима, и мозг плавится от мыслей и стынет от их понимания, и в связи с этим невозможно удержать в нем постоянную температуру.

В Одессе зима, и так хочется согреть руки, обнимая женщину, которая вряд ли позволит это сделать холодными руками.

В Одессе зима, и весна в воспоминаниях так назойлива.

В Одессе зима... Это не та классическая зима, которая бывает в отороженной сибирской глубинке или на футбольных просторах Аляски, где снег и морозы зимой воспринимаются как должное.

В Одессе зима, а для этого достаточно, как считается здесь, лопаты снега и нескольких градусов мороза. Хотя чаще вместо лопаты снега природа использует ведро воды. И этого тоже достаточно.

Такой зимы нет нигде. Это чисто «одесская» зима. Это нужно чувствовать.

В Одессе зима, и уже распаренные дворники преимущественно женского пола, окутанные паром, со свистом, вылетающим из всех дыр стареньких телогреек, монотонно поднимают и опускают свои пудовые ломы – эти незатейливые орудия производства, давно забытые цивилизованным миром, – и вот уже на месте сколотого льда рваными ранами ученических клякс обнажаются

островки тротуарной плитки, еще более скользкой, чем сам лед. И недовольно падающие пешеходы требуют у дворников посыпать плитку песком или вернуть лед, как говорят в Одессе, «взад». При этом непробиваемые дворники дружно огрызаются.

В Одессе зима, и розовый, как попка ребенка, железнодорожный вокзал, беременный набившимися в него пока еще потенциальными пассажирами и уже не потенциальными бомжами, ждет очередной опаздывающий замурзанный поезд. А поезд, застоявшийся где-то в промежуности между Котовском и Раздельной, никак не может доехать до Одессы, не вписавшись в графики других поездов, которые, в свою очередь, не вписываются в графики следующих, что приводит к своеобразной цепной реакции опозданий, от чего болят головы у встречающих. И это, в свою очередь, передается (иногда в не очень церемонных выражениях) работникам вокзала, что опять же приводит к своеобразной цепной реакции.

В Одессе зима, и на Привокзальной площади – свои жизненные аттракционы.

Бальзаковского возраста дама уже пятнадцать минут не может соединить разъехавшиеся на льду ноги, что приводит в неопишуемый восторг праздно злорадствующих мужчин, бесполезно ждущих на остановке ставший почти виртуальным троллейбус.

Проходящая мимо экстравагантная дама в туфлях на острых кинжальных шпильках каждым своим шагом колет лед, помогая дворникам, а также доблестным коммунальным службам города. «Шпилька», вильнув гуттаперчевым бедром, закованным в песцовую шубу, исчезает за углом. Только слышно: цок, цок, цок... Шлеп! Видимо, она решила разнообразить свою прогулку не только колкой льда, но и его утрамбовкой. А как довольны мужики!.. Смекалистые, почти без вредных привычек алкаши, выпивающие на скамейке, живо используют сколотый лед при розливе водочно-пивных коктейлей.

Рядом с ними прикольно медленно оседающий наркоман непредсказуемо беспорядочными фрикциями пытается вернуть на место свой отяжелевший зад, что ему, кстати, периодически удается.

А затесавшийся между алкашами и наркоманом глупый голубь до изнеможения, до сотрясения отсутствующего в голове

мозга долбит клювом лед с надеждой достать лежащую и увиденную под ним крошку. Возможно, что дворники с таким же остервенением кололи бы лед, если бы знали, под ним можно найти что-нибудь интересное для себя.

В Одессе зима, и троллейбусы устроили стоячую забастовку, почему-то отказываясь ехать без тока. Они явно в знак протеста постоянно пытаются раздвинуть колеса на обработанном до зеркального блеска льду и, слегка присев в изысканном реверансе, ударить об игриво проглядывающий местами асфальт своими не достающими до земли и кривыми, как дужки очков, штангами. В это время в набитых людьми троллейбусных чревах рождается догматическая мысль, что здесь единственное место, где близость мужчин и женщин их разъединяет.

Кондуктор, протискивающийся, как пробка по бутылочному горлышку, созданному напряженными телами пассажиров, издает сипящий, постоянно меняющийся тон звук и иногда празднично «шпокает», когда выскакивает на случайно освободившееся от судорожно упирающихся тел место.

Из достоверных источников доподлинно известно, что будущие кондукторы предварительно сдают экзамены на специально изготовленном местными умельцами тренажере, который представляет собой подвесной постоянно раскачивающийся мост. Экзаменуемый должен пройти по мосту за сменное время с тяжестью, набитой денежной мелочью сумкой точное количество раз, постоянно любознательно повторяя фразу: «А вы платили за проезд?». Успешно сдавшим экзамен считается тот, кто смог за время сдачи экзамена пройти нормативное расстояние, упал не более пяти раз и, главное, – не забыл слова! Местами достоверные журналисты сообщают, что по их непроверенным ими же данным, место кондуктора общественного транспорта стало гораздо сложнее получить, даже чем место в парламенте. И об этом они узнали из многочисленных жалоб парламентариев, которые ранее не смогли сдать экзамены на место кондуктора, – это оказалось сложнее, чем получить место парламентария.

В Одессе зима, и как можно не сказать о зимних одесских пляжах?!

Ланжерон встречает выпученными и слегка раскосыми от мороза глазами в виде двух больших белых шаров и удивленно криво улыбается дрожащим прибоем. Море упорно пытается замерзнуть, и неуклюжие чайки соскальзывают с пирса в него окоченевшими тушками.

Группа жизнерадостных «моржей», тряся «окорочками», намеревается залезть в воду. Мужчины отличаются от женщин только отсутствием верхней части купального костюма. Телесные формы не утомляют разнообразием, и кажется, что их называют «моржами» не за зимние купания, а за наличие значительной жировой прослойки, которая им не только не мешает, а очень даже нравится. О мужчинах лучше не говорить. Но, если посмотреть на женщин, то однозначно художники эпохи Ренессанса очень бы пожалели, что не дожили до наших дней; и нет на свете недостатка, который в определенной ситуации не смог бы стать достоинством, и наоборот.

А со старенького, не убранного с лета одинокого деревянного топчана на них без всякого интереса смотрит коренной одессит дядя Миша. Эту картину он наблюдает каждый день после того, как сказал жене, что записался в «моржовый» клуб. Дядя Миша, подняв воротник и нахлобучив шапку по самые брови, от размеров и густоты которых ностальгически веет временами застоя, достает из старой потрепанной матерчатой торбочки, которая, видимо, помнит еще 2-й съезд Коминтерна, непечатую бутылку водки и с мастерством иллюзиониста двумя пальцами шутя открывает ее. Дэвид Копперфилд, увидев этот трюк, от зависти залился бы горючими слезами. Затем он наливает водку в стакан, который достает из той же торбочки, и медленно пьет. При этом кадык его ходит туда-сюда, как поршень насоса, закачивающего жидкость в иссохший резервуар. Закончив первую часть священного ритуала, он достает все из той же бездонной торбочки бутерброд, завернутый в пожелтевший номер газеты «Знамя коммунизма» за 1968-й год и медленно кусает его за удобное место. При этом бутерброд своими размерами, формой и содержанием напоминает старый и потрескавшийся башмак Гулливера, уроненный в бочку с тюлькой. Закончив с бутербродом, он наливает второй стакан и совершает повторный обряд принятия живи-

тельной влаги. На этот раз движения его уже не так тверды и решительны. Затем он медленно раздевается до умопомрачительно великолепных семейных трусов в «жовто-блакитных» орхидеях и смело направляется к морю. Он останавливается у воды и ждет, чтобы не он попробовал воду, а вода сама попробовала его. И она его пробует. И это дяде Мише не нравится, и, похоже, что это взаимно. Охлажденный пыл разворачивает его тело на 180 градусов и толкает мягким пинком в сторону топчана. Дядя Миша, уже не применяя надоевший стакан, приняв позу пионера-горниста, из горлышка медленно допивает остаток водки, быстро одевается и, слегка покачиваясь, как старый «морской волк», не спеша уходит, при этом искренне не завидуя «моржам», и они ему так же искренне отвечают взаимностью. Ланжерон рыбьими глазами белых шаров смотрит ему вслед с надеждой на завтрашнюю встречу. И мужское достоинство дяди Миши, уничтоженное безжалостным временем, болезненно страдает.

В Одессе зима, и где-то в заснеженном зоопарке, как всегда находящемся у вечного Привоза, дети с растопыренными одеждами руками, похожие на пингвинов, и пингвины, растопыренные от природы по жизни, похожие на детей, сосредоточенно смотрят друг на друга не мигающими от удивления глазами, видимо, странно угадывая какие-то забытые родственные связи.

И на Приморском бульваре тоже, как ни странно, зима.

Остекленевшие деревья, задумчиво глядя куда-то внутрь себя, скрипя, качаются на ветру, создавая звук, одновременно напоминающий скрип кавалеристских штанов и визг неутомимой студенческой кровати.

Заиндевшая пучеглазая ворона с явно выраженным одесским клювом, сидя на плече памятника великому Пушкину, зябко жметя к незабвенному поэту, прячась под его металлические кудри и пытаясь согреться его дыханием, хотя это вряд ли доставляет большое удовольствие нестареющему гению.

Два пожилых одессита, обсуждая новости политики, отвечают друг другу вопросом на вопрос, вследствие чего никак не могут получить ответ ни на один из них, кстати, как и все остальные граждане, проходящие мимо и периодически с интересом включающиеся в их дискуссию.

И никто не хвастается, что у него мама – юрист, а папа – еврей. Потому что прекрасно знают, что хвастаться можно тогда, когда это хотя бы наоборот.

И влюбленные целуются, и от этого пахнет весной. И поцелуи – одинаковые, как ксерокопии, – так настырны и неумелы.

И горячо любимый Дюк со снежной папашой на голове и неотъемлемым свитком в руке с многоречивого и легендарного люка до умиления похож на писающего батьку Махно.

И мусорные контейнеры, утомленные бомжами, зевая открытыми крышками, периодически ежатся, одновременно стесняясь своей не по-зимнему радостно-яркой окраски.

В Одессе зима, и Дерibasовская тоже в ней. И вы идете по Дерibasовской. И она вам кажется короче, чем она есть на самом деле. И это означает только то, что вам хочется, чтобы ваше путешествие по ней продолжалось.

И вы идете от памятника де Рибасу, не по погоде одетому и одиноко мерзнущему в своих бронзовых штанишках. И только бесформенная мороженщица в шапке, очень похожей на буденовку рыцарей революции начала прошлого века, и с остекленевше-фиолетовыми губами, похожими на губы цыганки, продающей разноцветные воздушные шарики на почти забытой первомайской демонстрации, визгливо-монотонно убедительно зазывает попробовать свой товар, выставляя его напоказ этикеточным лицом.

А между входом в банк и водосточной трубой с бумажными флагами объявлений сидит мужчина неопределенного возраста с гармошкой, похожей на умерший сапог, и со скрюченными от мороза пальцами. Любой, даже начинающий музыкант, без труда заметит, что последним аккордом, который он брал, был ля-минор.

А неподалеку виден знаменитый Дворец бракосочетания, из которого на дрожащих ногах под задорное улюлюканье гостей и не имеющих отношения к процессу зевак выходит худосочный жених с полносочной в негнущемся, как кольчуга средневекового рыцаря, платье невестой, которую он взял на руки по настоянию умиленных родителей для одной-единственной фотографии, и по его страдальческому лицу и выкатившимся от напряжения

глазам видно, что этот подвиг он совершает, вполне возможно, в последний раз в жизни. А холод цинично залазит невесте под платье, но она горящими глазами смотрит на супруга с уверенностью и надеждой, что жаркая почти первая брачная ночь не заставит ее мерзнуть.

А в это время буквально в двух шагах конькового хода, у здания, созданного великим Бернардацци, одесской филармонии, уже кучкуются неподражаемые одесские путаны, разбрасывая в стороны, как орлицы крылья, полы умопомрачительных шубок и пытаясь опять же своими умопомрачительными прелестями обольстить хлебосольных и красноикорных клиентов. Хотя можно и ошибиться. Вполне возможно, что они пришли послушать оркестр под управлением нежно любимого одесскими ценителями классической музыки великолепного Хобарта Эрла, но просто опоздали или не достали билет.

И добропорядочные отцы семейств, спешащие домой, глядя на них, сворачивают шею до хруста в остеохондрозных позвоночниках и, уже не в силах восстановить первоначальное положение головы, так и идут затылками вперед, пугая встречных прохожих и тревожа дремлющие кратеры урн.

Но это все чуть дальше. А вы идете по Дерибасовской и попадаете в Горсад. Это епархия детей и художников, старушек и мольбертов.

Одесские дети, играющие в снежки! Что может быть прекрасней? Снег, разбросанный кое-где и как попало, похож на обрывки оренбургских пуховых платков не первой свежести. Чтобы слепить, мягко говоря, недоразвитый снежок, упрямым отпрыскам приходится в позе трудолюбивых селян, занимающихся прополкой огорода, обработать чуть ли не гектар близлежащих окрестностей. При этом последствия непопадания снежком-уродцем в цель, то есть глаз товарища по игре, могут быть самыми непредсказуемыми, но обязательно сопровождаются слезами зеленой по-весеннему досады, ведь обработать еще один гектар грязного снега не каждому по силам.

Мимо, фыркая и отплеываясь, как утомленные лошади, проносятся хилые старушки, волоча за собой алюминиевые санки с упакованными в них и перепеленатыми, как новорожденные,

внуками-переростками, одновременно лихо разрезая, как праздничный пирог, стертыми полозьями санок ни в чем не повинный в снежно-ледяных латках асфальт. И это они проделывают с незаурядными способностями вышедших на пенсию слаломистов, едва не задевая разбросанных по Горсаду художников, которые, чтобы согреться, рисуют лето. Это рождает надежду, и сразу хочется жить. И даже не очень удачные картины, изображающие летние сюжеты, вызывают расположение. И бабочки, порхающие на них, тоже дарят надежду.

А рядом нахохлившийся от необычного мороза воробей, похожий на грязного попугая какаду, плохо кушавшего в детстве и к тому же страдающего неправильным обменом веществ, лениво-возмущенно чирикает на проходящего мимо хамоватого ротвейлера, который едва не пометил свою территорию на его роскошный хохолок.

В Одессе зима, и цены на Привозе, и температура воздуха изменяются обратно пропорционально.

В Одессе зима, и дворник дядя Вова, убирающий по утрам возле студенческого общежития на Старопортофранковской и вечно путающий слова «реакция» и «эрекция», услышав где-то анекдот по теме, вообще отказывается работать, ссылаясь на то, что, дескать, все общежитие сбивает его с ритма.

В Одессе зима, и пусть говорят, что холод – это то же тепло, только на более низком температурном уровне, но оба полушария мозга, скукожившись, жмутся друг к дружке, как новорожденные щенки, боясь притронуться изнутри к холодной полировке черепа.

В Одессе зима, и ветер делает нас парусами затерявшихся в море лодок, а дождь, имеющий отношение к этому виду осадков только названием, так похож на насыщенный туман.

В Одессе зима, и согревают только водка, секс и надежда на светлое будущее, в котором будет и первое, и второе, но все же хотелось бы побольше второго. Хотя и первое тоже неплохо.

В Одессе зима, и сколотые льдины ложатся пластами, как коржи свадебного торта, и от этого женщинам еще больше хочется замуж, и тупые в отношении понимания этого мужчины опять не хотят раскрепостить свою фантазию.

В Одессе зима, и сверкающая жемчужина-Одесса стремится забраться обратно в свою перламутровую раковину, чтобы согреться.

Но солнце уже лижет ее прелестные коленки, и ледяные кучи, скрипя хрустальными внутренностями и подорванным здоровьем, легко проседают тающим пломбиром.

И дымчатые сосульки плачут от смеха крокодиловыми слезами, не в силах удержаться от созерцания происходящего.

И нет уже холода внутри, как нет его уже и снаружи.

И это не означает, что зима отступает и похотливо отдается теплу.

Нет! Ведь, по большому счету, все это и есть – настоящая одесская зима!

